

Андрей Пятчиц

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ

Андрей Пятчиц

**Невыдуманные
истории. Книга первая**

«Издательские решения»

Пятчиц А.

Невыдуманные истории. Книга первая / А. Пятчиц —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933118-2

В своих исследованиях автор руководствуется древним латинским принципом «История — наставница жизни». Многие судьбы и истории изобретений часто неосознанно преданы высшей древнеримской мере наказания — забвению. Но следы их остались — стоит лишь внимательней присмотреться. Автор проводит параллели между прошлым и настоящим, обращает внимание на неизменность натуры человека. Даже великие перемены не исключили из нашей жизни любовь, великодушие, жадность и прочие знакомые всем чувства и качества.

ISBN 978-5-44-933118-2

© Пятчиц А.
© Издательские решения

Содержание

Загадки парка монстров	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Невыдуманные истории

Книга первая

Андрей Пятчиц

© Андрей Пятчиц, 2019

ISBN 978-5-4493-3118-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Загадки парка монстров

История первая

Самолет отрывает шасси от раскаленной солнцем полосы – 50 метров, 100, все выше и дальше, и уже позади итальяйские города и веси, а я думаю о Бомарцо, где только что побывал. То есть не то чтобы о нём самом размышляю, но об отдельных сторонах бытия человеческого, которые жизненными обстоятельствами зовутся и предназначены то ли сгинуть по причине ничемности, то ли остаться следом, в той или иной мере заметным в общей картине истории пребывания «хомо сапиенсов» на небольшой, но симпатичной планетке Земля.

Любая, даже, казалось бы, досконально изученная часть света имеет свои малоизвестные места, находящиеся в стороне от проторенных туристических маршрутов. Италия не является исключением в этом смысле. Едва ли не каждый уголок этой чудесной страны имеет свою и только свою неповторимую историю и обаяние. Познакомиться с ними «классическим» способом, приобретя один из стандартных туров, достаточно сложно. Туры эти, чтоб они были здоровы, предлагают, естественно, посетить «основные» достопримечательности, ратифицированные в многочисленных путеводителях очень разного, но чаще не делающего им чести качества. Насколько лучше можно почувствовать колорит страны, заглянув в её скрытые от основной массы путешественников уголки, где ещё и сейчас сохранились самобытность и уклад жизни, уходящие своими корнями в седую старину. Вот в таком месте – Бомарцо – я волею судьбы и решил побывать.

Об этом загадочном городке я впервые услышал от случайного попутчика-итальянца, летевшего со мной из Рима в Москву в прошлом году. Мне, как всегда возбуждённому после увиденного очередной раз в Италии, не спалось. Просматривать фотографии, сделанные за несколько дней путешествия по Калабрии, не хотелось – я твёрдо решил, что оттяну это удовольствие не просто «до дома», но до ближайшего дня с холодным, порывистым ветром и таким же дождём с обязательной для него слякотью. Уютно расположившись в соседнем кресле возле иллюминатора (явно итальянец и, судя по пиджаку и галстуку, средней руки бизнесмен) летит в Россию по делам. Сразу же после взлёта он заёрзал, всем своим видом выдавая в себе тот самый – то невыносимый, то приходящийся как нельзя кстати – тип «попутчик-кус словоохотливый». Узнав, что я немного говорю по-итальянски, и моментально решив, что мой уровень знания языка великого Данте достаточен для понимания разнообразной информации, готовой в его голове к передаче, заговорил со мной как с равным по разуму. Сразу же выяснилось, что синьор Марко, по его мнению, вполне сносно говорит по-русски. Родился в городке Орте, болеет, как и большинство римлян за «Лацио» и, мягко говоря, недолюбливает «тифози» команды «Рома» – кумира многих жителей столицы. А правительство ведёт себя не то чтобы не хорошо, но до крайности плохо и даже безответственно, потому что «часто идёт дождь» (с этим пассажем я разобрался, потому как знал римскую «примету»: когда идёт дождь, говорят «governo ladro», то есть «правительство опять проворовалось»). И никого не смущает, что совершается это противозаконное действие в Италии с завидным постоянством на переломе сезонов с осени на зиму и в самом начале весны. Во все иные времена года небесная канцелярия правил не имеет и высылает воду вниз на основании собственных капризов). Даже риторически стыдно спросить о степени моего интереса ко всему этому. Единственную полезную для меня как туриста информацию о дожде я уже знал, а всё остальное, грубо говоря, мне было не то что до фонаря, но до лампочки на нём. Однако поток словоохотливого попутчика не иссякал...

В России с незнакомым человеком так не откровенничают, даже когда сильно выпьют. У нас разговор с попутчиком лёгким быть не может априори. В наших широтах к такого рода

общению относятся как и к греху, на который или вовсе внимания не обращают, или же сразу в омут, как Катерина из «тёмного царства». В разговоре же со случайным попутчиком россияне или молчат по преимуществу, или душу изливают до самой глубины, подобно толстовскому Позднышеву, инстинктивно подразумевая невозможность повторной встречи. Иное дело итальянцы: и к греху относятся как к смене времён года в старенькой своей Ойкумене, и болтать могут о чём угодно, если, конечно, нашёлся собеседник. Не проводя чёткой грани между нормой и наказуемым с точки зрения официальной морали проступком, они готовы рассказать первому встречному всё, что угодно, главное – не то, чтобы захотеть слушать, но не мешать. Естественно, северяне более сдержаны. Речь не идёт о запретных темах. Попробуйте неожиданно спросить у самого говорливого неаполитанца или сицилийца о мафии – и всё: или уйдёт от ответа, или вовсе разговор закончен. В Риме больших проблем с этим криминальным явлением нет, поэтому такой трюк в моём случае сработать не мог...

Надо отдать должное моему собеседнику: смешивая словарные запасы языков великого автора «Божественной комедии» и менее известного в мире, но тоже великого создателя «Евгения Онегина», он активно сопровождал их жестикуляцией, что в отдельных частях разговора приносило замечательный результат. Так, уловив фамилию известного политика, я преспокойно расслаблялся от лихорадочного поиска знакомых слов в речи попутчика, в полной мере замещая понимание предлагаемой информации через не требующие сложной интерпретации жесты.

Естественно, понять всё из того, что выплёскивал на меня синьор Марко, было невозможно, даже сильно сосредоточившись. Тем более, что подробности из жизни известных и полужизненных мне политиков, а также виды на урожай от антикризисных мер в Европе, вообще, и в Италии, в частности, были мне, грубо говоря, любопытны мало. Ну что мне аморалка того или иного политика, если я только что видел простоявшие сотни лет норманнские крепости! Поэтому очень скоро я расслабился и перешёл в режим ободряющего по форме поддакивания путём редких «certo» (конечно), «si» и интернационального «угу» с соответствующим одобряющим покачиванием головы. Так мы и общались примерно до российской границы, когда в общем потоке слов меня привлекло словосочетание «парк монстров». Включив внимание, я понял, что синьор Марко перешёл к рассказу о находящейся неподалёку с его родным и совершенно замечательным городком Орте, деревушке Бомарцо, с её знаменитым только среди местных жителей, узких специалистов и эстетов, странным парком. Переход в режим «вопрос-ответ» на доступном мне словарном запасе позволил получить минимум информации. За оставшийся почти час полёта я выудил то, что послужило базой для желания поглубже разобраться в этом уже дома, путём погружения в более приемлемые для понимания источники в интернете, со словарём, и прибегая к помощи тех, кто лучше меня разбирается в предмете.

Не знаю, возможно не подвело выработавшееся в многочисленных странствиях чутьё, потому как результаты последующих «раскопок» превзошли все ожидания: созданный в XVI веке «Парк монстров» в Бомарцо оказался настоящей жемчужиной даже для чрезвычайно плодотворной на шедевры эпохи Возрождения. Не познакомиться с ним лично было бы с моей стороны если не преступлением, то непростительным фиגлярством! Тем более, что под термином «эпоха Возрождения» обычно подразумевается возвращение человечества к культуре Древней Греции и такого же Рима. Здесь же имеет место быть нечто совершенно иное, уникальное – возвращение к загадочным и по сей день толком непонятым и неизученным этрускам в коктейле с буйной фантазией создателя сего, герцога Пьерфранческо Орсини по прозвищу «Сосед».

Вот по этой-то причине, встретившись спустя несколько месяцев с Бомарцо, я не увидел в нём «Парк монстров», как его «обзывают» сейчас, в том числе и едва ли не на единственном указателе, установленном уже на последнем повороте дороги к этому необычному месту.

Для меня это был всё же «Святой лес» или «Парк чудес», как его предпочитал называть сам создатель.

Ещё дома я твёрдо решил, что должен задействовать всю свою фантазию, чтобы увидеть и почувствовать «парк» так, как его видели и чувствовали посетители в XVI веке.

Сразу же выяснилось, что просто так в «Святой лес» не приходили. К этому готовились. Как правило, гости герцога, которым выпадала честь быть допущенными в это место, собирались в замке и некоторое время, иногда несколько дней, настраивались сами и подготавливались к посещению хозяином лично. Атмосфера в замке в такие дни была особенная: никакого веселья, потому как собирались почтить «святое место», суть которого – «душ трепетанье и встреча», «разума воля и мысли полёт». О легкомысленности не могло быть и речи. Даже в еде. Ели, скорее всего, что-то из добытой в окрестных лесах дичи, поджаренной в камине, запивая сочные куски мяса красным, похожим на кровь вином. Но это по особым случаям. Чаще наоборот – строго постились.

Хозяин придумывал для посещения «парка» что-то вроде сценария, составленного в стихах и основанного на легендах, но не фольклорного, естественно, уровня, а заимствованных от древних, заслуживающих уважения, авторов. Позже этот обычай даст повод для предположения о том, что путешествуя из Флоренции в Рим, в этих местах побывал автор «Божественной комедии» и, увидев текущий и ныне по краю «Святого леса» ручей, вполне мог написать именно здесь знаменитое вступление к части «Ад»: «Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу, утратив правый путь во тьме долины». Что ж, предположение вполне обоснованное, потому что и долина, и журчание ручья есть, что настраивает посетителя на определённый лад сразу же на входе. В таком духе и выдерживались предлагаемые Орсини сценарии.

Боевой слон. Вполне возможно, что прототипом для него послужил подаренный Папе Льву X слонёнок, ухаживать за которым было поручено самому Рафаэлю. Ну а воинственность – от основного рода занятий Орсини.

Изобретательный герцог всякий раз предлагал своим гостям новый маршрут. Точнее, никакого определённого маршрута не было. Продвигались каждый раз как придётся. Получалось, что даже те, кто уже побывал в «Святом лесу», попадали в него по-другому. Выходило очень интересно, на грани эмоционального подъёма. Что-то вроде одной и той же пьесы, «прочитанной» по-новому.

Обычно посещение «Парка чудес» проходило ближе к полуночи. И остаётся только с завистью предполагать, как всё это выглядело в колеблющемся свете факелов. Легко представить куда «проваливались» сердца и как судорожно цеплялись руки дам в платья кавале-

ров, когда в неровном свете среди зарослей вдруг показывалась голова дракона или вырубленный почти в натуральную величину боевой слон, обхвативший хоботом врага. А чего стоит неожиданно, за поворотом с крутым спуском, увидеть восьмиметровых, выросших из скалы гигантов! Что уж говорить о зловеще зияющей и сейчас, при свете солнца, пасти чудовища, в глубине которой, в цельной же породе вырублен каменный стол – кажется, предназначенный исключительно для чего-то вроде жертвоприношения. Кстати, по этрусской традиции, почти все скульптуры «выделены» из горной породы путём отсечения «всего лишнего», а не высечены где-то и установлены на том месте, где находятся сейчас.

«Борьба гигантов» или «Неистовый Орландо». Второе название дано самим герцогом Орсини по аналогии с героем одноименной рыцарской итальянской поэмы XVI столетия.

Себя или, во всяком случае, символ своего рода Орсини изобразил с юмором: в виде сидящего на задних лапах симпатичного медведя (*orso* – на итальянском), держащим в лапах семейный герб, нижняя часть которого очень похожа на гениталии.

Что чувствовали гости «Святого леса», увидев в свете факелов и затем войдя в построенный кривым дом с таким же, естественно, полом – это вопрос. Вполне возможно, что бывали и лёгкие обмороки от головокружения. В нём и сейчас-то, при свете дня, чувствуется что-то не то с вестибулярным аппаратом, а какие впечатления вызывало нахождение в нём у посетителей ночью, с пляшущими по стенам и окрестным зарослям бликами огня! Вообще, к соблюдению горизонтальности в «парке» создатели отнеслись не то чтобы с пренебрежением, но с необязательностью. Чтобы добраться до одной из задуманных кем-то из них «скамеек», надо быть как минимум начинающим скалолазом (на пути к ней), и таким же йогом (уже наверху).

Даже с эротикой Орсини обошёлся по своему: все женские или, точнее, имеющие женское начало фигуры находятся в «сопровождении» скульптур, которые не есть, но могут быть агрессивными в случае надобности. Покой редкой из-за своей «двуххвостости» сирены-акро-

батки и её крылатой коллеги по мифологическому «цеху» охраняет спокойная, но настороженная парочка львов. За спиной полулежащей фигуры с вазой над головой (её интерпретируют как невесту находящегося напротив, в нескольких десятках метров, Нептуна) идёт какая-то непонятная возня нескольких подозрительных фигурок, очень похожих на способных стать «вредными» мелких полубогов. Сон слегка прикрытой спящей нагой – то ли богини, то ли просто нестарой женщины – охраняет очень симпатичный пёсик, которого не сразу-то и заметишь.

Добавьте ко всему, что в какой-то момент Орсини приказал подкрасить фигуры и выделить все надписи красным цветом, очень даже напоминающим кровь...

Слуг, к их радости, на такие прогулки не брали, потому как не по чину было, да и желания простолюдины к подобного рода барским забавам не испытывали. Коренные жители всегда старались обходить место с «дурной» славой стороной, и после смерти Орсини оно насколько возможно было забыто или, по крайней мере, оставлено в покое.

«Святой лес» оказался меньше, чем я думал. И только от этого выигрывал. Не может и не должно такое место иметь размах. «Компактность» и в определённом смысле уют ему к лицу. Входят в «парк» через главный вход (есть ещё и второй, ведущий прямо к храму), выполненный в классической средневековой манере со знакомым всем по Московскому кремлю элементом над стеной (не мудрствуя лукаво, итальянцы в своё время «принесли» его в Россию, переименовав, чтобы было понятнее, из «дроздиного» в «ласточкин», но всё равно «хвост»).

Сразу же за воротами посетители упираются взглядом в каменного сфинкса на постаменте с прилично для её возраста сохранившейся надписью-инструкцией, составленной самим основателем: *«Ты, входящий сюда, разложи ум на части, и, подумав скажи мне, для чего сии чудеса – для обмана они или ради искусства»*. Ну а дальше можно идти куда глаза глядят. Нынешние распорядители «парка» сохранили идею создателя и никаких специальных маршрутов с указателями «следуйте туда» не установили. Не буду нарушать эту традицию и не стану подробно описывать все «чудеса» «Святого леса» по порядку, но поделюсь тем, что за недостатком времени большинству посетителей «Парка чудес» раскопать будет сложно.

Как известно, «вначале было слово», то есть идея, смысл каковой, особенно если идея неординарная, непременно должен быть тайным. Без этого никак нельзя приличному творению. И «Святой лес» в этом не исключение. В основе его появления – события, возможно и не делающие чести создателю этого места, но, как сказано, «не судите, да не судимы будете»... Итак, по порядку.

В первой половине XVI века в государстве Папская область, недалеко от Рима, в очень приличной семье Джана Коррадо Орсини и Кларисы Орсини родился второй из трёх сыновей – Пьерфранческо. Несмотря на некоторый, как сейчас сказали бы, инцухт (родители были дальними родственниками), дети у этой семейной пары вышли очень даже нормальными. Старший, правда, Джироламо, умер в возрасте, близком к подростковому. В те времена такая преждевременная смерть удивления ни у кого не вызывала и горе могла принести только родителям и самым близким родственникам. В случае этих Орсини, горечи родителей не было и вовсе по той несложной причине, что к моменту смерти первенца они сами уже отошли в мир, который почему-то многие, имея к тому сомнительные, недостаточно проверенные основания, называют «лучшим». Почившие родители оставили детям не то чтобы очень большое наследство, но достаточное, чтобы сводить концы с концами, в их герцогском понимании, естественно. Известно, что в завещании, датированном 1526 годом, Джан Коррадо Орсини назначил старшего сына, Джироламо, опекуном трёхлетнего Пьерфранческо и его младшего брата Маербалья. Но не прошло и двух лет, как опекунство над парнишками – видимо по причине смерти старшего брата – перешло к аббату Фарфского монастыря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.